

Моци произнес:

— Я осмотрел лица всех трех жертв, у всех повреждения разной степени тяжести. Поэтому я согласен с мнением Ци Фаньюя: боюсь, этот человек действительно действует из зависти. К тому же Сяо Цзиньчэнь тоже сказала, что, в сущности, можно сделать вывод: это совершила девушка.

Сказав это, Моци поднял голову и увидел, что все тарелки на столе пусты, а бутылки в ведерке тоже опустели.

Ци Фаньюй несколько раз пытался остановить её, но безуспешно:

— Чэньчэнь, ты слишком много выпила.

Сяо Цзиньчэнь взглянула на Ци Фаньюя, и в её глазах промелькнула такая глубокая печаль, что он не смог её разгадать.

— Хорошо, пей сколько хочешь, — Ци Фаньюй не мог вынести даже тени недовольства на её лице. В конце концов, это всего лишь несколько бутылок, к тому же такое случается нечасто, да и Сяо Цзиньчэнь знает меру.

Подумав так, они втроем просто наблюдали, как Сяо Цзиньчэнь допивает третью бутылку. Было видно, что у неё на душе очень тяжело.

Куньлунь кашлянул:

— Мы вообще собираемся продолжать обсуждение этого дела?

В таком состоянии Сяо Цзиньчэнь вряд ли могла высказать что-то дельное, а у Ци Фаньюя и вовсе не было на это настроения. Что касается Куньлуна и Моци, то в плане дедукции им всё же не хватало опыта.

Дело о троих погибших зашло в тупик. Убийца действовал настолько тщательно, что не только стер все следы, но и умудрился вывезти тела на виду у всех. Это говорит о невероятной твердости духа, с таким противником будет непросто справиться.

Ужин прошел как в тумане. Куньлунь даже не успел нормально поесть, как последовал за Ци Фаньюем обратно. Что касается Сяо Цзиньчэнь, то она отключилась сразу после третьей бутылки. Как бы хорошо человек ни пил, три бутылки меньше чем за полчаса — нагрузка, которую трудно выдержать.

Куньлунь хотел было помочь Сяо Цзиньчэнь, но Моци его остановил:

— Не будь третьим лишним.

Дверь в комнату на верхнем этаже была плотно закрыта. Куньлунь, не понимая, спросил:

— Моци, как думаешь, появление этого человека — к добру или к худу? С тех пор как он объявился, я заметил, что у нашей главной сильно изменились мысли. Конечно, он способный, и дедукция у него отличная, но для неё его присутствие — серьезное потрясение. Она теперь даже пьет во время работы над делом! За всё то время, что мы её знаем, такого никогда не случалось. К тому же этот мужчина с первого взгляда видит её эмоции, это так пугает. Если мы его оставим, боюсь, здесь всё пойдет кувырком.

Моци покачал головой:

— Не пойдет. Пока здесь главная, этого точно не случится. Даже если этот Ци Фаньюй — злой дух, главная — единственная, кто может его усмирить.

Хотя он так говорил, по поведению Сяо Цзиньчэнь было видно, что всё не так просто. Моци беспокоился, но в то же время верил, что способностей Сяо Цзиньчэнь хватит, чтобы разрешить эти трудности.

В это время Сяо Цзиньчэнь в полузабытьи, пока её укладывали в постель, крепко ухватилась за руку Ци Фаньюя:

— Сяо Юй, что мне делать? Я не хочу тебя отпускать, но я тебя недостойна!

Ци Фаньюй, услышав это, поспешно сел рядом:

— Почему ты так говоришь? Что же всё-таки случилось три года назад?

Сяо Цзиньчэнь словно боролась с собой, но в итоге так и не назвала причину, лишь продолжала крепко сжимать его ладонь.

Вздохнув, Ци Фаньюй лег рядом и прижал её к себе:

— Я всё узнаю. Не бойся, я всегда буду рядом. Что бы ни случилось в этот раз, я смогу удержать тебя за руку, так что не бойся.

Хмурые брови Сяо Цзиньчэнь постепенно разгладились, дыхание выровнялось, и тело расслабилось.

На следующее утро, проснувшись, Сяо Цзиньчэнь чувствовала себя ужасно. Ощущение было такое, будто по ней несколько раз проехал грузовик. Но больше всего её потрясло присутствие рядом человека.

Сяо Цзиньчэнь без колебаний пнула его, сбросив с кровати:

— Кто разрешил тебе входить в мою комнату?

Грохот и звон показали, что это короткое путешествие Ци Фаньюя на пол прошло крайне неудачно: он сбил табурет, опрокинул книжную полку, ударился поясницей о ножку стола, а головой врезался в тумбочку.

Ци Фаньюй вскочил, словно пружина:

— Просто я задержался допоздна. Я пойду куплю завтрак.

Было всего около шести утра, так как вчера они вернулись очень рано.

Дверь закрылась, и Сяо Цзиньчэнь, оставшись одна, в отчаянии схватилась за волосы. Она не могла просто так всё оставить. Она не помнила, что говорила напоследок, но само его присутствие в её комнате было чем-то из ряда вон выходящим.

А Ци Фаньюй за дверью уже размышлял о том, что при новом ремонте нужно обязательно учесть планировку дома, и ради будущего стоит предусмотреть всё в дизайне, сделав комнаты просторнее.

Четверо сидели в столовой, обсуждая детали дела за полдником. Куньлунь с утра изучал улики, связанные с жертвами, но запах уже почти выветрился. Впрочем, он всё равно не мог стать полноценным доказательством, нос Куньлуня лишь указывал направление для расследования.

Сяо Цзиньчэнь махнула рукой:

— Не беда, фотографии и данные у нас есть. На месте гибели первой жертвы мы не нашли ничего существенного. Однако содержание предсмертной записки довольно любопытно.

Там было написано: Стремление к искусству бесконечно, я достиг вершины, но меня слишком многое ограничивает. Я знаю, что в мире есть люди сильнее меня, но остановиться сегодня я не могу. Решил выбрать самый радикальный путь, чтобы обрести новую обитель для души. Я стану лучше, я разочаровался в этом мире, они не видят моей ценности, значит, пора уходить.

Содержание записки выглядело бессвязным, хотя уровень образования у погибшего был неплохой. Поэтому Сяо Цзиньчэнь предположила:

— Скорее всего, эту записку подделал убийца. Он хотел использовать её, чтобы отвести от себя подозрения. Но почему же во втором случае он этого не сделал?

Как правило, у серийных убийств есть определенный паттерн, и если правило задано, всё должно идти по нему. Если в первом случае была поддельная записка, то и второй, и третий должны были следовать той же схеме.

Ци Фаньюй заметил:

— Значит, он решил, что в этом больше нет нужды, и поленился маскироваться.

Моци кивнул:

— Не исключено. А как ты думаешь, старина Ци, что у него на уме?

Это обращение заставило Ци Фаньюя помрачнеть, но, вспомнив, как называют главную, он

решил, что это вполне приемлемо.

Ци Фаньюй коварно улыбнулся и медленно произнес:

— Наверное, никто не может быть красивее, лучше и популярнее, чем он сам.

<http://bllate.org/book/21416/2186591>